

РОЗА ДЬЯВОЛА

1 ЗМЕЯ

В бесплодной пустыне чуть к северу от Рио-Гранде, под небом, усеянным веснушками звезд, внезапно повеяло раскаленным ветром. Шквал поднял в воздух два пыльных смерча, протяжно завыл, засвистел в отвесных стенах извилистого каньона. Гремучая змея, всего пару секунд назад учуявшая след дюнной ящерицы, замерла и коснулась языком земли, сбита с толку волной жара, отчетливым запахом серы и непонятной, незнакомой дрожью. Вот дрожь усилилась, переросла в низкий рокот... но откуда же он мог взяться? Казалось, источник его где-то далеко — и в то же время совсем рядом. Обеспокоенная, змея сделала именно то, что и подобает змеям этой породы — свернулась тугой пружинкой и встряхнула кончиком хвоста, будто какой-то безумный плясун — маракасами.

Из ночной темноты сооткался в воздухе конь — невероятно долготелый, длинноногий, будто паук, черный конь с одетым в черное всадником на спине. Мертвенно-бледное иссохшее лицо, прикрытое тенью широкополой шляпы, кривилось в горькой усмешке. Глубоко ввалившиеся глаза мерцали, словно догорающие угли, поношенный плащ развеялся позади, как пиратский флаг перед бурей.

Знай змея хоть что-нибудь о стрелках Дикого Запада, о головорезах, десперадос и стражах закона старых времен, она непременно приметила бы и широкополую шляпу, и длинный плащ того самого рейнджерского фасона, и тут же вспомнила бы о личностях вроде Уайета Эрпа и Бэта Мастерсона. К несчастью, такие романтические прелести змеям неведомы, но, будучи хищником, змея прекрасно поняла самую суть этого существа. На некоем первозданном уровне она чуяла, что перед ней — тоже хищник, тоже охотник, что он голоден и вышел на поиски добычи.

Змея отпрянула назад. Нет, не от этих горящих глаз и ужасающей маски смерти. Змею напугало другое — явственное ощущение, что черный всадник не от мира сего, что он проклят и осужден на вечные муки; это-то и обратило змею в бегство.

Конь пронесся галопом прямо над ней, однако ни змеи, ни даже песка ничуть не потревожил: его копыта не касались земли. Сбита с толку, змея лизнула воздух раздвоенным языком и оглянулась. Черный конь — невероятно долготелый, по-паучьи длинноногий черный конь — мчался прочь, на север, в сторону Техаса.

БОЙНЯ

Чуть к северу от Рио-Гранде, сомкнутые в неровный круг, будто повозки поселенцев, готовящихся отражать набег немирных индейцев, стояли пять мотоциклов — американских мотоциклов, плюс старый «ти-бёрд» и четыре пыльных палатки. Хозяева всего этого углубились в пустыню, чтобы хоть на денек оказаться подальше от светофоров, трейлерных парков, инспекторов по УДО, баптистов и, самое главное, от изнурительной долгой пахоты, вроде как у той же Линды — «Прачечная и химчистка круглосуточно; принимаем купоны любых конкурентов!».

В одной из палаток негромко играло радио — передавали какую-то песню о безымянном коне, мчащемся через пустыню. Прохладной тexasской ночью звук был чист, словно хрусталь. Тонкая, едва ли не изящная рука цвета красной меди потянулась к приемнику и прибавила громкость. Эти смуглые пальцы вместе со свежим маникюром (розовый лак от «Дэй-Гло», ни больше, ни меньше, дорогущий, однако на что не пойдешь в стараниях хоть как-то справиться с разрушительным действием двойных смен в прачечной) принадлежали Бекки Гомес.

Бекки прикрыла глаза — изумительные зеленые глаза, так резко выделявшиеся на фоне смуглой кожи и черных волос, наследия испано-американских предков. Песня вернула Бекки в те времена, когда ей было двенадцать, когда ее родной отец еще жил с ними, еще не ушел навсегда, а они с матерью еще не переехали в трейлер, и с ними не поселился Гас. Гас... Человек, гордившийся величиной брюха и думавший, будто швырнуть смятой пивной банкой в задницу матери — это, как сам он выражался, «смешнее, чем ссать в муравейник». Гас... Волосатые руки, пальцы с вечной черной каймой под ногтями... Вот этими грязными, мерзкими руками он и лапал Бекки всякий раз, как напивался пьян (то есть, всякий раз, как сумеет спереть у матери пять баксов). Все было настолько паршиво, что Бекки не хотелось возвращаться домой, и она все чаще и чаще ночевала на роллердроме или рядом, в открытом кино для автомобилистов.

Конец этому положил Зак — да еще как положил, раз и навсегда. С Заком она познакомилась в этом самом кино, ей тогда было четырнадцать, а Заку семнадцать. Он был с ней мил, угощал пивом и сигаретами, а, прознав о Гасе, взял бейсбольную битую и отправился к нему — «поговорить». Гас, обнаруживший в кошельке матери не пять,

а целых десять баксов, и восемь с мелочью уже успевший пропить, решил, что говорить с каким-то дешевым понторезом не желает, а лучше возьмет-ка этого сопляка (ага, той самой лапой с грязными ногтями и все такое) за глотку.

Тут Зак его и кончил. Уложил одним ударом биты.

Под суд Зак пошел, как взрослый, но, с учетом обстоятельств, присяжные отнеслись к нему снисходительно. А Бекки... Бекки рассталась с Заком на пять долгих лет, но теперь он снова был с ней. Отсидел, сколько надо, и теперь безраздельно принадлежал ей — ей, и никому другому.

Ночную тьму прорезал долгий протяжный вой. Казалось, воют где-то вдали... но все же слишком, слишком близко. «Койот? — подумала Бекки. — Нет. Скорее, человек, и ему жутко больно».

— Эй, Зак, — тихонько окликнула она. — Зак, ты слышал?

Бекки потянулась к Заку, но Зака не оказалось на месте. И даже его спальный мешок изнутри успел остыть. «Куда же тебя унесло?» Вроде бы Бекки припоминалось, как он выскользнул из палатки — то ли отлить, то ли за пивом, то ли и за тем и за другим. «А сколько с тех пор прошло времени? Проклятье, Зак, только не напорись на змею и не свались с обрыва». Бекки поразмыслила еще минутку. «А о том, блин, чтоб курить траву с Мартинесом, даже думать забудь!» Последнее пугало сильнее всего. Если инспектору по УДО взбредет в голову взять у него мочу на анализ и результат окажется положительным, всему конец — наверняка снова упрячут за решетку. Приглушив музыку, Бекки замерла и прислушалась, но снаружи доносился лишь бесконечный стрекот цикад да кваканье лягушек.

«Ладно, не раскисай, — велела Бекки самой себе. — Ты — девочка уже большая. Бегать за Заком всякий раз, как у тебя мурашки по коже, вовсе ни к чему».

Однако пахло вокруг как-то странно — какой-то смесью копоты, плесени и еще чего-то едкого.

«Ну и что? Просто кто-то бросил в костер, чего не следовало. Вот и все. Что ты, в самом деле, как маленькая?»

Снова закрыв глаза, Бекки сделала то же, что делала всегда, когда ей было страшно. То, что обычно делала, посмотрев жуткий фильм, или когда Гас хватал ее грязными лапами за грудь, а именно — принялась вспоминать о хорошем. Ничто на свете не отгоняет плохое лучше, чем мысли о хорошем. А хорошего в этой поездке за город было навалом! Например, появление Лизы со Стью. Стью надел в дорогу тот самый невооб-

разимый пасторский сюртук, что откопал в благотворительной лавочке Армии Спасения. Увидев его в этом сюртуке, на огромном мотоцикле, да в островерхом кайзеровском шлеме на голове, Бекки чуть на месте не померла! За Стью увязались и младшие братья, близнецы Берт и Эдди, которых все вокруг — как бы Эдди ни бесился — иначе, чем Берт и Эрни, не называли. И даже лучшая подруга Бекки, Тина, тоже сумела вырваться на выходные вместе со своим парнем, Мартинесом. Мартинес работал сторожем на авторазборке, и добиться выходных в уик-энд ему обычно было нелегко.

Все парни, конечно же, захотели ехать на байках, и потому девчонки набились в «Адскую Птицу» Стью — то есть, на самом деле, в старый «ти-бёрд» его отца, выкрашенный ржаво-красной эмалью из баллончиков, с трафаретными дьявольскими мордами на дверцах. Местные на машину поглядывали косо, но, пока верх был откинут и теплый встречный ветер трепал волосы, на это Бекки было плевать. Мартинес прихватил свои стволы — пострелять по мишеням, а Зак — переносной холодильник, битком набитый фейерверками, привезенными из последней поездки в Мексику, да такими, что свободно могут руку оторвать. Соорудили охренный костер и славно провели время, поглощая пиво с бургерами, пуская фейерверки, стреляя и трахаясь до поздней ночи...

Услышав приближающиеся к палатке шаги, Бекки облегченно вздохнула. Ну вот. Ни змей, ни обрывов. Верно Зак говорил: слишком уж она волнуется. Как-то даже сказал, что она хуже его мамы. Однако с этим Бекки ничего поделать не могла. Один раз у нее уже отняли ее парня, и этого одного раза хватило за глаза.

Между костром и палаткой возник неясный темный силуэт. Шарахнулся вправо, потом влево. Первым делом Бекки подумалось, что Зак напился в хлам — наверное, с Мартинесом, вечно эти двое подначивают друг друга — и теперь не может отыскать палатку.

— Зак? — шепнула она.

И тут до нее дошло, что и лягушки, и букашки смолкли. Вокруг сделалось тихо. Тихо, будто в могиле. А мерзкий запах? Он сделался еще сильнее! Нет, тут что-то не так.

— Зак, милый, — неуверенно позвала она. — Я здесь.

Силуэт на миг замер, развернулся и заковылял к палатке, с каждым шагом становясь все четче.

У самой палатки он остановился, но не откинул клапан. Просто стоял, покачиваясь и тяжело дыша — так громко, что каждый выдох мог показаться стоном. Все это было ничуть не похоже на Зака.

— Кончай эту херню, Зак, — сказала Бекки, отметив, что голос заметно подрагивает. Надо же, неужели настолько перетрусилась?

И тут Зак сунул голову в палатку. Бекки перевела дух.

— Черт тебя побори, Зак. Напугал до ус...

Тут она осеклась. Воздуха не хватило закончить. Это был вовсе не Зак, и теперь Бекки понять не могла, как ей удалось хоть на секунду убедить себя, будто это он. Тварь, уставившаяся на нее колючими желтыми глазками, была даже не человеком!

— БУ-У! — гулко, будто со дна колодца, проскрежетала она.

Вот тут-то воздух нашелся — полная грудь — и весь, до последней капли, вырвался наружу с громким, пронзительным, отчаянным визгом.

С виду тварь напоминала человека, но целиком состояла из густого, черного, будто сажа, дыма. И отчего-то дым этот не клубился в воздухе: казалось, он... извивается, кишит, как черви в гниющем мясе, корчится в конвульсиях, каплет наземь и уползает в ничто. Дымная тварь втекала, вливалась в палатку, будто патока. Жуткая вонь едва не валила с ног.

Бекки метнулась прочь, оборвав хлипкие завязки клапана с обратной стороны палатки, и помчалась в ночную пустыню. Она была твердо намерена убраться отсюда как можно дальше и, если нужно, бежать бегом хоть до самого города, да только подвернувшийся под ногу кольцо палатки не пустил. Споткнувшись, Бекки с маху врезалась в землю, но от ужаса не почувствовала даже острых камней, больно впившихся в колени и ладони.

Палатка осела, накрыв дымную тварь, и Бекки не стала дожидаться, пока та отыщет путь наружу. Облаченная в одну лишь татушку у щиколотки (их они сделали на

пару с Заком — из тех самых, с вычурной, будто бы выведенной пером надписью «На-
веки» поперек розового сердечка), она вскочила на ноги и бросилась вперед...

...прямо в объятия какого-то парня.

В первый миг ей показалось, что это Мартинес. «Господи, пусть это будет Марти-
нес!» Но у Мартинеса не было этих шишковатых, пузырящихся волдырей по всему
телу, не был он и холоден, как могильный камень, и горелым мясом от него уж точно
не несло!

На какой-то момент — долгий жуткий момент — столкновение остановило Бекки,
затем фигура словно бы утратила плотность, раздалась, и Бекки провалилась прямо в
нее — внутрь, в холод и тьму. Падение показалось долгим, медленным, точно под водой.
Рухнув на теплый песок пустыни, Бекки засучила ногами в попытках подняться или
хоть отползти, но дым накрыл, окутал ее густой, тяжелой, липкой тучей, тут же сковав-
шей движения и даже мысли. Все вокруг вдруг отодвинулось куда-то далеко-далеко.

Посреди моря тьмы возникли две пронзительно-желтых бусины. Одна из них под-
мигнула Бекки.

— Как поживаете, юная леди?

Этот голос шипел, как струя пара из кофеварки. Звучал он у самого уха, но в то же
время будто бы доносился откуда-то издалека, а, может, и вовсе из-под земли.

— Душевно рад познакомиться.

Холодные дымные пальцы слегка взъерошили волосы, скользнули по заднице, по
груди, по лицу. Почувствовав нечто, прижавшееся к губам, Бекки с ужасом поняла:
эта тварь пытается поцеловать ее! Она попыталась закричать, но дым — кипучий,
черный, как копоть, дым — немедля хлынул в рот. Все вокруг затуманилось, как во
сне, то расплываясь в глазах, то снова обретая четкость.

В этом кошмаре Бекки отчетливо слышала вопли друзей. «Странно, — подумалось
ей, — выходит, тех, кого любишь, можно узнать и по визгу? Тина, Мартинес, Стью... а
это кто? Один из близнецов? Это ведь человек, да? Не зверь? Господи, что же может
заставить парня вот так завизжать?»

